

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ВКУС СТРАХА. МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ»:

«ПРОКЛЯТАЯ КНЯЖНА»
Евгения Кретьова

«ШЁПОТ МОРЕНЫ»
Евгения Кретьова

«ЗМЕИНЫЕ БОГИ»
Лизавета Мягчило

«МАЛАХИТОВОЕ СЕРДЦЕ»
Лизавета Мягчило

МАЛАХИТОВОЕ СЕРДЦЕ

ЛИЗАВЕТА МЯГЧИЛО

Freedom

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М99

Иллюстрация на обложке *Lotur Norn*
Иллюстрация карты *Марии Самариной*
Художественное оформление *Марии Кияниченко*

Мягчило, Лизавета.

М99 Малахитовое сердце / Лизавета Мягчило. — Москва: Эксмо, 2025. — 384 с. — (Young Adult. Вкус страха. Мистические истории).

ISBN 978-5-04-216556-6

Бестужев думал, что все кончено. Они проиграли, оставив в Козьих кочах самое ценное. Славик возможность ходить, а он, погрязший в ведьминых чарах, — свободу. Но что, если судьба дает второй шанс, возможность вернуть утраченное? Оба парня решили вернуться в проклятую деревню, чтобы найти Малахитницу, способную даровать не только подземные сокровища, но и исполнять желания. Теперь, чтобы вернуть все на круги своя, им вместе с новой деревенской ведьмой, укравшей дар Чернавы, и ее братом двоедушником предстоит пройти через сражения с полуденницей, водяным, упырихой и самым страшным врагом — собственными бесами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216556-6

© Лизавета Мягчило, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

В КАБИНЕТЕ УДУШАЮЩЕ ПАХЛО геранью, на стене тихо и размеренно шли часы. Но ему казалось, что каждый щелчок секундной стрелки вкручивался сверлом куда-то между глаз. И виной тому было раздражение — чистое, концентрированное, приправленное злобой, которой не найти выхода. Бестужев не мог позволить этим эмоциям выбраться наружу, они кровожадно бурлили в груди, раздирали на лоскуты, сжимали глотку судорожным спазмом.

За широким лакированным столом из красной вишни сидела заведующая кафедрой. Тугой высокий пучок, вызывающе яркий макияж, которым так отчаянно пытаются скрыть подкрадывающуюся старость. Без него он дал бы ей

тридцать пять, с ним — все сорок восемь. И неизменный мышинового цвета костюм с юбкой на ладонь ниже колена и пиджаком с острыми неказистыми вставками на плечах. Из-под стола, лениво покачиваясь, выглядывала черная лакированная туфля на невысоком тонком каблуке с острым носом. Суворова Антонина — гроза преподавательского состава, цепкая и беспринципная, вся кафедра склонялась перед нею с тихим ропотом. А Бестужев встал ей костью поперек глотки.

Даже сейчас, когда эхо его голоса не успело рассеяться под высоким потолком кабинета, она скользнула по нему ничего не выражающим взглядом и уткнулась носом в журналы, рассеянно перелистывая страницу за страницей. Будто он уже исчез, растворился в воздухе, прекратил досаждать. Ни черта подобного. Это чувство... Его не объяснить одним словом, не сориентироваться в неловких наплывах эмоций. Его будто зашвыривало обратно в учебные будни, когда он еще был по ту сторону преподавательского стола. Уступающий, инертный, заискивающий. Выскальзывающий из конфликтов при помощи мягких шуток и улыбок. Тогда в ее глазах светилось снисходительное обожание, увидеть которое выходило у немногих.

МАЛАХИТОВОЕ СЕРДЦЕ

Тогда вся его жизнь была четко распланирована, каждый год выверен, цели поставлены. Где сейчас его будущее? Что в нем светлого?

Руководительница раздраженно втянула воздух тонкими ноздрями, выдохнула ртом. И удосужилась поднять на него свои глаза, в наигранном удивлении изгибая выщипанные брови.

«Ты еще здесь?»

«А я могу уйти, не получив согласие?»

За дверью ждал Елизаров. Бестужев слышал натужное поскрипывание колес, когда тот резко останавливал движение коляски сильными руками, поворачивая ее в другую сторону. Как бы иронично это ни звучало, Вячеславу не сиделось на месте даже сейчас. В своей безумной попытке все исправить, перевернуть разукрашенную алым страницу их жизни на новую, белоснежную, пустую, он отгрыз от нервной системы Саши огромный кровавый кусок. Бестужев смирился, сдался, уступая под напором этого лютого желания, грозящего свести их в могилы.

— Александр, вы еще что-то хотели спросить?

— Я ожидаю получить ответ на свою просьбу.

Суворова скривилась. Опустились углы обведенных алым губ, сморщился острый длинный нос, она тяжело вздохнула. Журнал в ее пальцах закрылся с громким хлопком, с подоконника,

испуганно чирикнув, взлетел любопытный воробей, и Саша равнодушно проследил взглядом за его полетом.

— А разве это не очевидно? Я не могу дать вам отпуск, совсем скоро начнется учебный год. Нужно скоординировать расписание, разработать учебный материал — кто, если не вы? Вам прекрасно известно, что Геннадий Георгиевич занят сбором данных для своего научного исследования, ему будет некогда.

Суровая реальность, привычно брошенная в лицо. Вот этот этап жизни, который он стремился переступить быстро, почти играючи. Переступил? Пришел азарт? Понравилось? Стало плевать. Дом, работа, дом, работа — слилось в единую серую полосу, лишенную радости или печали. Карьера, ее взлеты и возможные падения перестали интересовать, к суммам на карте Бестужев стал равнодушен. Он не мог купить того, чего так отчаянно жаждал. Весь его запал, весь задор был сожран хищными деревенскими образами. Ее образом.

— Я вам предоставил все необходимое. — Короткий кивок в сторону папок, и руководительница нехотя вернула к ним взгляд. Задумчиво пожевала щеку, близоруко сощурила густо подведенные черным глаза.

МАЛАХИТОВОЕ СЕРДЦЕ

Она не найдет ошибок, не найдет к чему придраться — Бестужев забыл про сон и еду, перепроверя, сверяя и рассчитывая. Каждый штрих, каждая идеально выведенная синими чернилами буква. Он собственными руками сжигал мост, по которому мог броситься в трусливое бегство. Ни единой причины, чтобы остаться, ни одной тропинки, чтобы отступить. Ждет ли его спасение в Козьих Кочах? Если повезет, он сумеет вернуть Катю, а Славик найдет возможность встать на ноги. Внутренний голос зябко ежился, скребся в груди и трусливо нашептывал: «Что, если смерть?» Он не боялся, Бестужев просто хронически, очень сильно устал. Ему нужно было за что-то зацепиться, вынырнуть из этого омута.

— Хорошо... — Она громко хлопнула папкой, и Саша не сдержался, досадливо поморщился, возвращая взгляд к ее тощей высокой фигуре. Острая, резкая, прямая и бесчувственная, как иголка. Суворова всегда любила дарованную ей власть и невероятно искусно заставляла склонять перед нею головы. У него не было желания и времени становиться для нее хорошим, он не хотел искать подходящий к этой женщине ключ. — Допустим. Я могу дать тебе две недели. В начале сентября ты должен будешь вернуться.

Бестужев, я не узнаю тебя... Такой был яркий и выдающийся студент... Нет, мы все понимаем, у тебя было такое потрясение, такой стресс. И весь преподавательский состав сочувствовал, но ведь всему должна быть мера. Ты отказываешься от научных проектов, не пишешь ни статей, ни докладов. Ты собираешься куда-то двигаться? Чего ты хочешь?

Покоя. Он просто хотел покоя. Тишины в собственной голове, темноты под сухими воспаленными веками. И ночей без ярких снов, пропитанных запахом Смоль. Как отчаянно он желал услышать ее девичий хохот, и как неистово он этого боялся с наступлением темноты. Саша почти поверил, что скоро начнет жить, а не существовать. Об этом напоминал отчаянный скрип колес инвалидного кресла, разносящийся по длинному коридору деканата.

Промолчал. Встретил ее злой немигающий взгляд своим равнодушным.

— Мне нужен месяц. Найти обратный транспорт из места, куда я отправляюсь, будет несколько затруднительно.

Глаза Антонины расширились, в них читалось недоверие, смешанное с огромной порцией ужаса.

МАЛАХИТОВОЕ СЕРДЦЕ

— Ты опять возвращаешься в ту деревню, я права? Бестужев, прекрати заниматься самокопанием, весь университет гудел о вашей истории. Не ошибаюсь, это были болотные газы? Печальная история, но девочек уже не вернуть. Что ты там ищешь?

— Мне не хватит двух недель, — повторил бесцветно, равнодушно. — Если нет возможности дать мне срочный отпуск, что ж, увольняйте. У меня есть дела, которые не терпят отлагательств.

Он просто не наберется еще раз храбрости.

Завкафедрой приподнялась с места, с тихим шелестом разлетелись под ее пальцами белоснежные листы. Расписание, план занятий. Бестужев направился к двери под возмущенные крики. Ничего, с последствиями он разберется потом. Если будет кому и с чем разбираться.

Часы на стене продолжали равнодушно тикать.

Саша не испытывал к этому месту ненависти, он его и не любил. Сил почувствовать хоть что-то просто не было, ведьмино колдовство выжимало все без остатка. Будь здесь старый Бестужев, он бы алчно поглядывал на кабинет руководительницы, небрежно смахивал бы пыль в отведенной ему каморке и требовал

сменить старое деревянное окно, из которого зимой немилосердно дуло прямо в спину. Будь здесь старый Саша, он с ушами закопался бы в книги, написал одну научную статью, за ней вторую, четвертую, десятую. Он бы набрался достаточно опыта, быстро стал бы профессором и знал бы, куда метить дальше.

В тот день, когда Бестужев защитил проклятую работу по фольклору, он думал, что рассыплется кровавым хрупким крошечком. Потому что невозможно делать вид, что все идет как нужно и он в порядке, когда за каждым углом больно щемит сердце — узкие холодные ладони уже не зажмут глаза, на перемене она не сядет рядом на подоконник, беспечно покачивая ногами. Саша был зол на этот мир, на каждого, кто остался в живых, когда Катя была обречена на смерть в заточении. Он возненавидел себя за беспомощность, которая уткнула его носом в сырую землю. Со временем отрицание сменилось принятием, гнев покрылся толстой коркой бесчувствия. Но только у него остальной мир продолжал жить точно так же, будто и не существовало раньше Катерины Смоль.

Закрывающаяся дверь приглушила возмущенные крики и угрозы женщины. Он устало прислонился к ней спиной, с нажимом растирая виски.

Начало положено, трусить сейчас — глупо. Он сам на это подписался, принял решение.

Доехавший до угла Елизаров резко крутанул коляску, возвращаясь к кабинету. В его взгляде застыл вопрос, Бестужев кивнул в ответ, и губы друга изогнулись в торжествующей усмешке. Около узких скамеек, расположенных вдоль коридора, уже стояли их сумки — та самая спортивная и потрепанная, пара рюкзаков и два чемодана. В этот раз они готовились не к отдыху, они ехали выдирать с боем утраченное. Поезд отправлялся через четверть часа, у здания деканата ждало такси. На коленях Елизарова лежал мобильник, парень небрежно сунул его в карман широких джинсовых шорт под сочувствующим взглядом Саши.

— Снова ему звонил? Глупая затея, он бы не поехал.

Славик обреченно махнул рукой, щуря недовольные злые глаза:

— Трус. Будь у него яйца, в Кочах все могло бы пойти по-другому.

— Не факт. — Саша отрицательно качнул головой, закинул ремень сумки на плечо, выдвинул ручки у чемоданов. Елизаров вцепился в подлокотник коляски и неловко свесился вниз, подхватил свою сумку. Вячеслав никогда не прини-

мал помощь. Одно слово, напоминающее о его немощи, и Слава злобно скалил зубы, сочился ядом и лютой ненавистью. — Скорее всего, он бы сдох в схватке с Полозом или, убегая, наткнулся бы на лесавку. Его бы сожрали. Слишком много «если». Если бы я не запер Щека? Если бы ты не бросил в царя нож, а попробовал поговорить? Мы можем догадываться, предполагать. А имеем то, что имеем.

Елизаров притих, нахмурился, кусая нижнюю губу. Думал ли он об этом раньше, как Бестужев? Проигрывал ли в своей голове разные картины, сюжеты, переиначивал ли мир на новый лад, мечтая, чтобы все было по-другому? Наверняка нет. Слава боялся боли, открещивался от происходящего, давил воспоминания ударом широкой ладони по лбу. Он не хотел баюкать свое горе, он хотел его уничтожить.

До такси парни добирались в напряженном молчании, каждый думал о своем, не отозвались и на приветливую улыбку дружелюбного таксиста. Бестужев молча загрузил в багажник чемоданы. Уже через сутки они окажутся в Козьих Кочах.

Не приняв помощь водителя, Елизаров подъехал к распахнутой двери машины и едва не растянулся на пыльной, потрескавшейся от жары

земле. Тощие атрофированные ноги нелепо повисли в проеме между коляской и пассажирским сиденьем, пока сильные руки рывком забрасывали тело в салон автомобиля. Оказавшись внутри, Слава хрипло выдохнул, подтянулся и сел, злые желваки заиграли на скулах. Повозившись, Саша сложил за ним коляску.

Август в этом году был жестоким — жара не спадала, она душила, висела пыльным маревом над асфальтом. Ею дышал каждый кирпич многоэтажек. Чертова сковородка. Поливальные машины не справлялись, пылающий асфальт покрывался трещинами, вода почти сразу превращалась в едкий, пропахший резиной пар. Из каждого телевизора и радио убедительно просили оставаться дома до вечера, вызывать «Скорую» при тепловых ударах, быть внимательными на улицах к людям, которые почувствовали себя плохо. Рассылки от МЧС заставляли телефоны коротко пищать.

Редкие деревья во дворах многоэтажек пожухли, скрутились пыльные увядшие листья, пожелтели редкие клочки травы под ногами. Городская суета утихла, каждого второго свалила беспощадная мигрень. На улицах встречалась лишь храбрая, сумасбродная молодежь с обгоревшими носами: девушки щеголяли легкими

